

Михаил УГАРОВ

**ГАЗЕТА «РУССКИЙ ИНВАЛИДЪ»
ЗА 18 ИЮЛЯ...**

1992 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИВАН ПАВЛОВИЧ

НЮТА, его старая няня

АЛЕША, его племянник

САШЕНЬКА, его племянница

Занавес.

Театр представляет собой не богатую и не бедную гостиную московского дома.

*В глубине гостиной – **фонарь** из пяти окон, с мелкими оконными переплетами. В фонаре – сад, где есть финиковая пальма с пожелтевшими концами перьев, она произошла когда-то из косточки, брошенной в землю неизвестно кем. Виноградец оплел поверху оконные рамы, а теперь свободно падает вниз. В мелких плошках круглый год цветут темные фиалки.*

*Высокие напольные **часы** с ленивым медным маятником, с тяжелыми гириями. Они орехового корпуса, с башенным боем недельного завода. В башенке часов обустроена целая сцена, где райское дерево из жести с райским яблоком на нем. У дерева Адам и Ева. Жестяная Ева сначала срывает яблоко с дерева, а потом подает его Адаму. Жестяной Адам же печален и задумчив. А из-за дерева, покачивая голову, выглядывает змей. Жесть местами тронута ржавчиной.*

***Диван** черной кожи, у него на спинке шкафчики с гранеными стеклышками в створках, они запирались каждый на свой ключ, а теперь все ключи утеряны. Хорошо лечь разгоряченной щекой на его холодную кожу.*

*Черной кожи **кресло**, глубокое и холодное, со скамеечкой под ноги. Сиденье его когда-то было распорото, порез пришелся буквой У. Теперь он зашит черными шелковыми стежками. Если сесть в него, то сзади и не видно будет, что кто-то в кресле сидит. Темно-вишневый плед с кистями и пять крошечных подушечек для удобства, если случится вдруг сидеть долго.*

*Большая **люстра** затянута белой марлей, теперь запыленной и пожелтевшей. Иногда она сама, ни с того, ни с сего, начинает вдруг покачиваться...*

*Бухарский **ковер** с драконами. На нем есть бурое пятно, несмываемое и несчищаемое ничем. Его посыпали солью много лет подряд, и сами ворсинки на этом месте обросли легкими кристалликами соли. Поперек ковра – вытертая и облысевшая тропинка.*

*Черный **буфет** с отделениями для серебра, для вин, для сладостей. В детстве было интересно, спрятавшись в нижней колоде, подслушивать потайные разговоры отца с Нютой, а потом отца с матерью, а после матери с Нютой. И все кончалось слезами... А в отделении для салфеток был тайник, но про него все знали. И в отделении для вилок – тайник, но про него знали лишь некоторые, не все. Среди фарфоров есть и пастух с пастушкой, Тальони с крыльшками мотылька, и фавн с отломанной ногою. Пасхальные яйца из серебра и слоновой кости: серебряное заводится и позванивает, а костяное – заводится и кружится. Китайские, в мелких трещинках вазы, расписанные травами, где хранятся разные глупости.*

Сине-черная обнаженная **дева – светильник** занимает особое место в гостиной. Она так изогнула одно бедро, что можно положить на него коробочку со спичками, и коробочка не свалится. У нее большой черный живот, и кажется, что она вот-вот родит сине-черного холодного младенчика. У нее видна черная пуговица соска. Черные ноги ее скрещены, меж них не заглянешь, и пальчик туда не вложишь. Зато весело, когда взрослых нет рядом, шлепнуть ее по широким черным ягодицам. А пальчики на ее черных ногах толстые и короткие, и мизинчик – с виноградную длинную ягоду.

На этажерке – заводной **симфонион**, в нем сорок тонов; с жестяным диском, где слепыми дырочками наколота итальянская музыка.

А **письменного стола** не видно, он за ширмами. Лишь когда зажигают на нем свечи, - смутно высвечиваются его очертания. Глобус с вмятиной на Африке и на Аляске, с выпуклостью на Туркестане. На столе чернильный прибор в виде тургеневской охотничьей собаки: изгибами своего тела она облегла две узкогорлые черниленки, а лапу положила на перочистку. Зеленое сукно залито по левую руку чернилами, пятно вышло видом с зайца с двумя ушами. Узкая дамская рука прижимает пружинкой письма и старые рецепты. На ноже для разрезания бумаги надпись на восточном языке, ее можно толковать по-разному, как захочется. Ящичек с уральскими камушками оклеен серой мраморной бумагой. Хрустальная пепельница и фарфоровая тройка с санями, где ровными полешками уложены спички с толстыми серными головками. Малахитовая коробочка с перстнем отца, с медальоном матери, где лежит прядь волос неизвестного; орешек в золотой бумаге; игральная карта – пиковая десятка, означающая черную вещь, болезнь, а при короле или даме – брачную постель... Сверкают песочные часы – получасовые; песок течет так медленно, что можно отлететь от хода событий на расстояние Луны...

Широкие и тяжелые **двери**, с медными ручками и защелками. Открываются они с шумом, с протяжным скрипом. В детстве хорошо было кататься на этих тяжелых дверях.

Полукорпусом выступает из стены ребристого кафеля **печь**. Квадратики кафеля все в мелких жилочках-трейтинках. На темной дверце печи отлит изогнутый цветок лилии; вьюшки ее как пуговички на мундире, начищены. На гладком кафеле можно написать чернилами плохое слово. Если шепотом прочитать его, - по животу пройдет холодок. За корявыми буквами можно вслед, чуть с запозданием, представить тот предмет, который это слово означает. Если предмет мужской, то можно просто усмехнуться, а если женский, то скорее послушать палец и стереть написанное, как будто его здесь и не было никогда.

Легкие **ширмы** расписаны узкими подводными травами. А рыбы больше похожи на птиц...

За окнами светло.

*ИВАН ПАВЛОВИЧ стоит, повернувшись к нам спиной,
смотрит в окно.*

ИВАН ПАВЛОВИЧ. ...Убежали, гамак бросили, книжку в нем забыли. Один, пустой веревочный гамак. Майн Рид, или что там еще...

Молчит.

В купальню теперь пойти невозможно. Там поселились пиявки. Теперь нужно с размаху бухаться в воду, а потом искать – где еще выйти... (*Через паузу.*) Если вода попала в ухо, нужно потрясти в нем мизинчиком, и попрыгать на одной ноге... (*Через паузу.*) Не надо шуриться на солнце, а то вокруг глаз будут белые морщинки! И челочку со лба лучше прибрать кверху, а то лоб будет белый...

Молчит. Трет лоб.

На спинке скамейки лупой выжжено – «дурак»... (*Смеется.*) И выжжено-то без твердого знака, без ера на конце слова. А потому, что – лень! А потому, что твердый знак на конце слова всегда казался лишним. Потому, что даже тут ни одного дела до конца довести не можешь, потому, что все – наскоро!... Лучик нужно собрать в страшно маленькую точку и ею, как иголочкой, нажечь. Сначала пойдет дымок, из-под дымка проявится коричневая точка. Точку вывести на линию и ровно нажечь букву. Если твердое окончание, то, конечно же, должен стоять ер в конце слова! Но что же сделаешь, если вдруг тебе становится скучно, если ни одного дела ты как следует довести до конца не можешь...

Молчит.

Не надо шуриться на солнце, смотри ровно, пусть тебе в глаза слепит, а ты не шурься, ты же не шурин! Шурин – шурится!... Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин – глаза прищурил...

Молчит.

Нужно развести в теплой воде мыльного порошку и побриться. Нужно пойти в город. Нужно взять шляпу с полями и трость, и пойти. Нужно зайти в кондитерскую, например. Потом погулять у реки. Еще нужно зайти в аптеку. Там в витрине поставлены большие стеклянные шары, налитые водою, подкрашенные в красный, зеленый и синий цвет. Там продают ландринные леденцы от горла...

Молчит.

А если будет гроза, то есть специальный от дождя зонтик. Нужно пойти и побриться, если идти в аптеку и погулять, в кондитерскую...

Вздыхает.

Убил Бог лето мухами!...

Молчит.

В саду есть шалашик, там можно лечь на живот и читать «Капитанскую дочку». В шалашике можно сговариваться на обмен – кузнечика в коробочке на божьих коровок. В то лето кузнечик шел за двух коровок, а не за трех... Еще нужно быть внимательным, чтоб гусеница не свалилась на тебя с шалашиковой крыши... Можно играть в первых переселенцев... В можно – в «Кавказского пленника». Нужно схватиться пальцами в замок, как если б руки были связаны, а на ноги надеть колодки – привязать садовую лейку. И сидеть, закрыв глаза. И хотеть пить! А тебе никто пить не дает!.. А потом дожждаться момента. И бежать смешным прискоком, чтобы не запнуться о лейку. Бежать и кричать – «Братцы, братцы! Спасите!..» И упасть на газончик, где уже – наши, где горцы позади! А наши, смеясь, снимают с тебя колодки и швыряют садовую лейку в кусты...

Молчит.

«Братцы, братцы, я – свой, я – наш...»

Слышен колокольчик в дверях.

ИВАН ПАВЛОВИЧ как будто и не слышит его.

Входит АЛЕША, племянник Ивана Павловича. На нем фуражка, а под ней – фетровые черные наушнички, они резинкой стянуты поверху и понизу. Шинель он сбросил в прихожей.

АЛЕША. Иль фэ фруа, иль жель, иль нэж деор!.. *
(* - Холодно, снег, мороз! – франц.)

ИВАН ПАВЛОВИЧ молчит, не оборачивается.

Ужас, как холодно!

ИВАН ПАВЛОВИЧ (после паузы). Я слышу.

АЛЕША садится в кресло. Трет покрасневшие руки.

АЛЕША. Даже в груди покалывает. Нельзя вдохнуть глубоко от морозу.

Зажмурил глаза.

Ай-яй-яй!..

И еще раз, протяжно.

Ай-яй-яй!..

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*оборачивается к нему*). Ну что ты? Что ты шумный такой?

АЛЕША пытается стянуть с ноги сапог. Но сапог надет очень туго.

И тогда ИВАН ПАВЛОВИЧ принялся ему помогать.

Возьмется они долго. Стянули один сапог.

(*Отдышавшись.*) Зачем же носить такие узкие сапоги? Ведь все равно, что босиком ходить, - такие тонкие, такие узкие.

АЛЕША (*жалобно*). Ай-яй-яй!..

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*принялся за второй сапог*). Декабрь! Холодно. Зачем же форсить?

Стянули сапог.

АЛЕША (*с отчаянием*). Отморозил? Отморозил?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Нет. Сунь их под себя, чтоб согрелись.

АЛЕША усаживается с ногами в кресло, как велел ему Иван Павлович.

АЛЕША (*страдая*). Не дашь ли ты мне теперь чаю?

ИВАН ПАВЛОВИЧ идет к двери.

Чаю погорячее, погорячее чаю!

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*выходя*). Фуражку снял бы.

И ушел.

АЛЕША послушно снял фуражку. Немножко попрыгал в кресле, на подложенных ногах. Попрыгал и затих, засмотрелся на узкие травы на ширме, на сиреневых птиц. Нижняя резинка от наушничков режет ему горло, и он иногда оттягивает ее книзу.

Входит ИВАН ПАВЛОВИЧ.

АЛЕША. Сказал – чаю?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Сказал.

АЛЕША. Да может, у вас лимон есть?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Есть лимон.

АЛЕША. Так с лимоном. Сахару послаще надо.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Хорошо.

АЛЕША. Сильно его не размешивать, чтоб сверху горячо и несладко сначала было. А потом книзу, чтоб – слаще и слаще.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Я знаю твои порядки.

АЛЕША. Ну вот. Что еще?.. Подстаканник с пленным турком?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. С пленным турком. С крепостью Варной.

АЛЕША. Ложечка. Знаешь, где край косо слизан?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Знаю.

*Дядя смеется.
А АЛЕША внимательно за ним следит.*

АЛЕША. Ноги щиплет. Колет иголочками. Отморозил.
ИВАН ПАВЛОВИЧ. Поколет – перестанет.

Садится на диван. После паузы.

(Покачивается.) Ну, что там на улице делается? Расскажи.

АЛЕША *(коротко)*. Мороз.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Нет, вообще. Что там делается?

АЛЕША. Где?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ну. В городе. В домах. В жизни вообще.

АЛЕША. Ну что-то делается, наверное. Я не знаю. Обязательно делается.
Как же без этого? Что же – все вокруг остановилось, так что ли?

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(терпеливо)*. Ну, а что хорошего?

АЛЕША. Ничего хорошего.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Все плохо, что ли?

АЛЕША. Зачем? Что ж плохого? Я не говорю, что все плохо.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. А говоришь – ничего хорошего.

АЛЕША. А что хорошего?

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(раздражаясь)*. Я вот у тебя и спрашиваю: что? Как?
Что хорошего?

АЛЕША. Ничего.

Молчат.

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(спокойным голосом)*. Ну, а что плохого?

АЛЕША. Да ничего плохого.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Все хорошо, значит?

АЛЕША. Ну, я этого не говорю, что, мол, все хорошо...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ну а как же тогда?

АЛЕША. Да по-разному.

Большая пауза.

*АЛЕША страшно борется с озорством, с сильным желанием
потянуть еще комедию, но не хочет перебора.*

А дядя борется с раздражением. Он по-настоящему серьезен.

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(помолчав)*. Да сними же наушники, говорить с тобой
невозможно!..

АЛЕША снимает наушники. И стреляет резинкой.

АЛЕША. Никак согреться не могу...

*Тогда дядя взял плед. Другой рукой захватил за гнутую спинку
стул, понес к Алеше, к креслу. Сел на стул и развернул плед.*

АЛЕША протянул ему ноги, и дядя, укрыв, замотал их в плед, положил себе на колени. И руками прижал для тепла.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Твой отец любил носить страшно узкие сапоги, страшно узкие и страшно тонкие. Страшно смотреть: идет по морозу, а сапоги такие тонкие, что каждый пальчик видать! А вовнутрь он насыпал тальк, или канифоль, - что-то такое, я не знаю. У него даже была специальная дощечка с вырезом для каблука, он без этой дощечки снять сапогов не мог. И специальные крючочки были, чтобы тянуть за уши. Мучение! Сапоги, говорит, хорошо шить на каждый день! Чтоб зашивать с утра, а к вечеру их распарывать! Да очень уж, мол, дорого... А нога у него была страшно маленькая. Как он стоял на ногах при таком росте? При такой маленькой ноге? Он страшно этим гордился, говорит, - вот она, порода!.. А я любил ходить босиком по траве. А он – ни за что...

Пауза.

Вошла НЮТА, старая няня Ивана Павловича. Она принесла чаю.

Спасибо, Нюта!

АЛЕША (*шипит*). Ведьма!..

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Спасибо, родная!..

*Дядя, конечно же, слышал «ведьму», но промолчал.
Нюта вышла.*

АЛЕША. Что же ты не замечаешь, как она воняет? Вели ей мыться каждый день, платья чтоб стирала! Прачке все ее платья отдать, нельзя же так!..

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ну что ты все выдумываешь, что ты все выдумываешь?! Сейчас же перестань!..

АЛЕША. Очень старухи пахнут...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ну что же, старый человек...

АЛЕША. Вот и мылась бы, если старый! Это смолоду можно не мыться, а в старости, - уж будьте любезны!..

Молчат.

Алеша хочет пить чай, но горячо ему.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Что твои дела?

АЛЕША. Да по-разному.

Дует на чай.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Что Лизочка?

АЛЕША. Лизочка как Лизочка.

Дядя удивился.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ты разлюбил ее?

АЛЕША (*его передернуло*). Ну что это еще за слова?!.. Мне деньги нужны!
А тут денег нет. Вот тебе – и Лизочка!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Где ж деньги есть?

Алеша глотнул чаю. Горячо, но пить можно.

АЛЕША. Есть.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Так что же?

АЛЕША. Да тут, дядя, запятая!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Что такое?

АЛЕША. А то, что невеста стара. Сорок шесть лет.

Пьет чай.

Зато денег много. Так считай, что за все заплачено.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Да постой же ты! Да ведь она тебя вдвое старше!

Алеша допивает чай. Посмеивается.

АЛЕША. Деньги!.. (*Вздыхнув.*) Вот если б еще чаю?

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*поспешно*). Сейчас, сейчас. (*Кричит.*) Нюта!

Молчат.

Ждут Нюту.

Пришла.

Налей еще чаю, милая.

Нюта взяла стакан и ушла.

Молчат.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*осторожно*). Но, ты, надеюсь, понимаешь, что женившись, тебе придется исполнять супружеские обязанности, и...

Алеша смеется.

А потом сильно толкает дядю в живот.

Тот, не ожидав этого, падает вместе со стулом навзничь.

Алеша в испуге вскакивает.

(*Лежа на полу.*) Ах, черт!..

АЛЕША. Прости. Я не хотел.

Дядя поднимается. Аккуратно ставит стул.

Неловкая пауза.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ничего-ничего, я не ушибся. Как-то ловко упал, совсем не ушибся.

Молчит.

Прости, я сейчас.

Выбегает из гостиной.

АЛЕША (*берясь за голову*). Врите, врите, бесенята! Будет вам уже мертвец!..

Вошла Нюта со стаканом чаю. Подала его Алеше и хотела было идти.

(*С отвращением.*) Тебе сколько лет?

НЮТА. Чего?

АЛЕША. Который тебе год, говорю?

НЮТА. Не считала.

АЛЕША. Вот дура!

НЮТА. Чего?

АЛЕША. Ничего. Помрешь скоро!

НЮТА. А тебе что?

АЛЕША. Тебя в землю закопают. А мы будем черешенки кушать, да смеяться.

Нюта плачет.

Фу, фу! Поди отсюда. Дядя рассердится.

Нюта уходит.

(*Сам с собою.*) Будем черешенки кушать, вишенки...

Входит Иван Павлович.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Алеша! Ты помнишь, как на Рождество мы представляли живые картины? «Княжну Тараканову»?.. Сашенька на постели. А мышь была сделана из черного хлеба? Тогда ты кинулся на постель, съел хлебную мышь и спас княжну!..

АЛЕША. Помню.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ведь весело же было?! (*Тоскуя.*) Боже мой, как было весело!..

АЛЕША. Давай, дядя, напьемся! Есть ли у тебя в доме водка?

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*грустно*). Нету.

АЛЕША. Давай пошлем! Или вот что! (*Горячо.*) Давай, поедем с тобою, я знаю одно такое место, и там мы с тобою напьемся по-свински!

Дядя молчит.

А потом, давай, поедем к блядям!

Дядя садится на диван. Спина его так напряжена, как будто он на приеме, и ждет вызова.

Я знаю, где хорошие бляди есть!

Дядя молчит. Алеша вскакивает с кресла, ходит по ковру босиком.

Ты, дядя, знаешь, что такое французская любовь?

Дядя делает странный жест рукой, будто он на перроне и прощается.

Нет, мне сначала тоже это очень стыдным показалось!..

Дядя закрыл глаза. Как будто его здесь нету. Алеша помолчал. Потом присел перед дядей на корточки.

(Иначе.) Ну пойдем просто на улицу, погуляем?.. Ты мне выберешь самое красивое дерево, сейчас иней, - это страшно, страшно красиво! Выберешь и подаришь. А я тебе тоже что-нибудь такое отыщу и подарю! Самую тощую лошадь! Самую старую собаку!..

Дядя не отвечает.

Ты уже два года не выходишь на улицу. Это уже болезнь, ты понимаешь?.. А ведь ты здоровый молодой мужчина! Два года – ни шагу из дому, - это уже болезнь!

Дядя встает и идет к двери.

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(каким-то странным голосом, почти фальцетом).* Я принесу тебе чаю.

АЛЕША. Это болезнь и ты можешь умереть от этого! Тебя в землю закопают!..

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(в дверях).* С лимоном. Сахар не нужно размешивать.

АЛЕША. Постой! Нюта принесла мне чаю! Вот он! Постой!

Иван Павлович быстро выходит.

В землю закопают.

Алеша пошел за ширму. Роемся там на столе.

Конечно! Конечно же!..

Вышел из-за ширм и машет по воздуху письмом.

(Читает.) «...Не надо отвечать на это письмо! Не надо, не надо, хороший мой! Странно было бы вести переписку в моем теперешнем положении. Я очень благодарна тебе за все, что ты сделал для меня. Мы часто с Котиком гуляем по твоей улице, и я смотрю на твои окна. Смотри, говорю я Котику, - вон там живет очень хороший дядя... Она смотрит во все свои глазенки и ничего,

конечно, еще не понимает. Она обязана своим рождением только тебе! И если бы не ты, ее не было бы на свете никогда! Муж мой об этом знает, и тоже так считает, как я. С рождением Котика моя жизнь наполнилась смыслом, и я счастлива!.. Иногда мне кажется, что глазки у Котика - твои, хотя я знаю, что это не твой ребенок. Но я слишком долго смотрела в твои глаза...»

Обрывает чтение.

Сволочь!.. *(Смеется.)* Что они с нами делают! Что делают?!

*Вошел Иван Павлович, но Алеша и не заметил его.
Дядя увидел письмо в Алешиных руках. Замер.*

(Читает.) «...Наступит день, и мы все соберемся вечером под нашим зеленым абажуром, и будем пить чай с засахаренными орешками (помнишь, как любила их!) и все мы скажем тебе, как мы тебе благодарны, и муж мой скажет, и я, и Котик тоже скажет! Она уже говорит слово «дуля»...»

Алеша увидел внезапно дядю. Растерялся.

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(он смутился).* Алеша... Нельзя же читать чужие письма. Это очень непорядочно, Алеша...

АЛЕША. Прости. Подвернулось как-то...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Помнишь, когда ты подглядывал в купальне... Я тебя тогда очень сильно ударил... Кажется, из губы шла кровь... Уйди, пожалуйста, Алеша. Я очень прошу.

Алеша очень напугался. Он схватил один сапог, попытался его быстро надеть. Не получилось. Натянул до половины.

АЛЕША. Я сейчас. Я там надену. Ничего, ничего... Я – там.

И выбежал. Одна нога босая.

Иван Павлович поднял брошенное Алешей письмо. И опустил его в китайскую вазу с мелкими трещинками, которая стояла на буфете. Помолчал. Потом сунул руку в вазу и достал оттуда целый ворох писем. Рассмеялся. И бросил всех их туда снова.

ИВАН ПАВЛОВИЧ *(гулко, в вазу).* Хорошая, хорошая... хорошая моя! У вас очень хорошее, доброе сердце – и вы не можете делать гадкие вещи! Например, - мучить хорошего, в общем-то, человека... Он просит вас только об одном... Не надо, не надо... не надо ко мне никаких писать писем!

И поставил вазу на место. Пауза. С большим интересом осмотрелся он вокруг.

Я все забыл. Я не помню ничего. Вот за окном шел сильный дождь... А окно было поднято вверх, и лень было его опускать. У них, знаете, окна почему-то не растворяются так по-простому наружу створками, а поднимаются вверх. И все думаешь, что вот – хлопнется рама сейчас вниз, и полетят брызги стекол. Это я

очень хорошо почему-то помню. Рама, которая в любой момент может хлопнуться вниз... Как я уронил кувшин с водою?.. Помню! Я смеялся тогда до слез. И тонкие листы почтовой бумаги помню, где было вытиснено готическими буквами: «отель Хофман»... И все!.. Не поверите, смешно, но – правда-правда! – я все забыл. Честное слово!

Задумался.

А ведь отель Хофман можно произнести как Гофман, если хочешь. Это у них все равно: что им Хофман, что Гофман...

В то время, когда Иван Павлович говорил о хофманах и гофманах, появился Алеша. До этого он лишь заглядывал в дверь, а тут и сам вошел. Робко встал у порога.

АЛЕША. Дядечка... Можно я возьму сапог? Мне ведь холодно...

*Дядя посмотрел на него, не узнавая, и засмеялся.
И Алеша засмеялся.*

Дядечка, я не могу больше мерзнуть в прихожей. Прости меня.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Конечно, конечно! Орешки в сахаре – это очень веселое занятие. Кидать их в рот! Иной раз и не попадешь, а это очень смешно.

АЛЕША. Ты уж не сердись на меня? Я так больше не буду.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. А тут, знаешь, входит человек. Посмотрел он на меня так мутно-мутно... И – бах перед ней на колена! И что-то такое ужасное стал говорить, я даже ни слова не понял. А мне вдруг сделалось скучно, потому что она смотрит на меня так, как будто видит в первый раз. То есть, очень-очень внимательно. Небольшого росточка, блондин, с такими руками, будто он их где-то застудил... Я взял еще горсть орешков, пожал плечами и пошел гулять вдоль реки.

АЛЕША. Знаешь, дядя... Это меня черт толкнул, я не виноват...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Очень грязная маленькая речка, с названием, которое я совершенно забыл! Надо будет на карте посмотреть. Они там все свои глупые речки на карту заносят. Потом я пошел еще за горсточкой орешков, а их уж и не было в комнате никого... Потом мне все говорили, что этот человек, он вовсе, мол, не блондин, а брюнет, и выше меня чуть ли на целую голову!.. Я говорю – помилуйте! – значит у нее двое мужей! Ведь тот, что входил, был блондином! А двоемужество – это уже смешно, это несерьезно, господа, для такого о ней разговора. А если он в Германию въехал блондином, а в России живет как брюнет... Он тогда и вовсе не заслуживает никакого к нему отношения!..

АЛЕША. И они уехали. А ты остался там один.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Знаешь, Алешка, я это вдруг забыл. Да, наверное, так, - они уехали, а я остался там один... Я долго еще прибирал в комнате. Ведь я, как ты знаешь, очень аккуратный, а она везде, всегда все разваливала ужас как. (*Смеется.*) Если я эту историю не выдумал сейчас же... Я люблю так – повалится на диван и выдумать историю. (*Внезапно.*) Смотри, смотри!

Тащит Алешу к окну.

АЛЕША. Кто там? Ничего не вижу. Кто это?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. «Лучшая крыша Руберойд инженера А. Вэ. Эльбен в Санкт-Петербурге!»! Где ошибка? Ага, не видишь! А я давно для себя пометил: «инженер» редко пишут с буквой «и», все больше с «е». Прости, я на минутку!

И выскочил за дверь. Не дал сказать Алеше ни слова.

АЛЕША (*тупо глядя в окно*). Ин – жы – нер... Ин – же – нер... Какая разница?

Садится в кресло и натягивает сапог. Топнул каблуком.

Мерзавки! Страшные мерзавки, вот что я вам скажу... Все, как одна. Да-с!..

Помолчал.

Наш брат старается не вникать в частности, мы ведь очень мало чего понимаем, совсем немножко... Мужчина все как-то бочком старается жить, сторонкой, чтоб не очень им мешать. А они, наоборот! Они уютненько так живут, с удобствами... Отчего это у дам комнаты всегда уютнее, чем мужских?.. И как чай пить они знают – где какой салфеткой выстелить... Вот интересная мысль, - почему это так получается, что они у себя дома, а мы – как бы у них в гостях?!.. А ведь они живут у нас на головах! И все что-то нас виноватят... Сначала – нянька-ведьма, потом мамаша за дело принимается, а придет время – найдется еще одна. Уж не беспокойтесь себе, - сама същется! Со вспотевшей верхней губкой...

Задумывается.

И живут они дольше нас. Мужчина умирает раньше.

Шум в прихожей. И через некоторое время входит Сашенька, племянница Ивана Павловича. На ней беличья шапочка, вся она румяная от мороза.

САШЕНЬКА. Дяде письмо! Дяде письмо!.. Ай, должно быть, я его на лестнице выронила... Дядя, дядя, тебе письмо было!

АЛЕША. Давай сюда!

САШЕНЬКА. Я его в муфточку сунула, а теперь его там нет...

Смеется, бросает Алеше муфточку.

АЛЕША. Дурочка! Нечего было тогда и цапать его своими кошачьими лапками. Что за дрянь у тебя в муфточке липкая?

САШЕНЬКА. Конфекта!

АЛЕША. Гадость какая!

Достает из муфточки сильно помятое письмо.

Да ведь это же дяде письмо! Как ты его взяла?

САШЕНЬКА. Мне его передали.

АЛЕША. Кто?!

САШЕНЬКА (*смеется*). А ведь у нее муж. Ребенок.

АЛЕША. Скажи, Саша, отчего женщины еще и страдают? Вес у них недомогания, разочарования? Ведь это же так, в сущности, удобно – жить на чужой голове!

САШЕНЬКА. Как это – на голове? Я ничего не знаю об этом.

АЛЕША. Он увез ее за границу, потому что она была несчастна, она сама умоляла его об этом. А когда ее муж опомнился и помчался за нею вслед, когда они вновь сошлись... Дядя остался там один и платил, платил по их счетам...

Входит Иван Павлович.

Алеша тотчас же прячет под себя письмо – садится на него.

Грозит Сашеньке кулаком.

Дядя целует Сашеньку в щечку.

АЛЕША. Попробуй только скажи!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Опять вы за свое? О чем вы это? О чем говорили сейчас?

Усаживается на диван. Сашенька, смеясь, подсаживается к нему.

САШЕНЬКА. Я не могу, дядя! Он мне кулаками показывает. Я не могу, не могу ничего сказать. Если б Алеша разрешил...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Алеша, позволь ей сказать!

АЛЕША. Нет!

САШЕНЬКА. Вот видишь! Не могу. Это, дядечка, не моя тайна, алешкина! Ведь это он раньше был хорошим смешным котенком, а теперь у него есть тайны...

Гладит по рукаву дядю.

Вся наша мужская линия окружена страшными тайнами... А можно я в душку тебя поцелую? Вот сюда, в ямочку, ниже горла, между ключицами? Здесь душка.

Целует дядю.

А можно еще раз?

Целует.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ну хватит, хватит.

САШЕНЬКА. Еще раз.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Хватит, Сашенька, ты уж меня зацеловала. Что нового, какие сплетни?

САШЕНЬКА. Да ты, дядя, сплетник?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Сплетник.

САШЕНЬКА. Ну хорошо...

Алеша, стараясь, чтоб этого не видел дядя, помахал ей письмом и погрозил кулаком.

Лизочка выходит замуж!

АЛЕША (стукнув себя по коленкам). Черт!!

САШЕНЬКА (быстро). Она отказала Алешке и выходит теперь замуж!

Алеша колотит себя по коленкам.

АЛЕША (кричит). О, черт, черт, черт!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Это правда?

Сашенька звонко хохочет.

АЛЕША. Правда! Это правда! Перестань смеяться! Черт! В этом нет ничего смешного!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Алеша! Как же это, Алеша?

САШЕНЬКА. Она отказала Алешке и выходит теперь замуж! Она выходит потому, что – деньги! А у Алешки нет денег! У меня нет денег!.. Ты бы, дядечка, конечно, дал нам этих денег, если бы не спустил их всех на эту дрянь!.. Правда?

Смеется.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Правда. Дал бы.

САШЕНЬКА. Если б не эта дрянь! Тебе от нее письмо.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Где?

САШЕНЬКА. Вон у Алешки. Подай его сюда, Алешка.

АЛЕША. Деньги!.. Что же, я без денег – нехорош? Хуже, чем с деньгами? А если я украду или зарежу, - лучше я тогда буду, с деньгами?

Помолчал и отдал дяде письмо.

Иван Павлович читает его. Прочитал и положил листок на колени. Аккуратно разгладил ладонью. Молчит.

(С азартом.) Я теперь плакать не стану! Главное начать. Пустить слух по старухам-сводням, что, мол, милые вы мои! – деньги нужны! Сыщутся! Чем невеста старше, тем денег больше! Пускай тогда сразу старуху ищут!

САШЕНЬКА. Да это же неприлично!

Сашенька тихонечко тащит письмо с дядиных колен, из-под его ладони. А он ей не дает.

АЛЕША. Какие еще приличия? Пошла прочь, здесь деньги лежат!

САШЕНЬКА. Да ведь у старух гречишные пятнышки по рукам!

АЛЕША. А мне что за дело? Не век ей...

САШЕНЬКА. А вдруг заживется?

АЛЕША. Отравить как крысу! Прочь, старая! Куда ей деваться? И пойдет, и пойдет...

САШЕНЬКА. А ведь она, Алеша, любви запросит!

АЛЕША. Ее деньги, пускай. Но чтоб в темноте, свечку потушить! Свечек не надо!

Сашенька тянет письмецо на себя.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*резко*). Ты мне мешаешь!

САШЕНЬКА. Я не буду, Я не буду.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Который теперь час?

Голос у него неприятный, как будто бы он сейчас где-то в конторе или на вокзале.

АЛЕША. Четверть шестого.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Сколько?

АЛЕША (*мягко*). Четверть шестого.

Пауза.

(*С жаром.*) Старухе можно с молодыми изменять! Она, конечно, станет угрожать самоубийством. У молодых и у старух здесь порядок один!

Дядя вновь читает письмо.

Сашенька следит за его шевелящимися губами.

И Алеша следит.

(*Дождавшись конца беззвучного чтения.*) Весь дом полон смерти! Ножницы, серные и фосфорные спички, ножи и вилки, уксус, спицы и вязальные крючки, толченное стекло, мышьяковые шарики, пояс от халата, турецкая сабля над диваном, с четвертого этажа в пролет, под извозчика, в реку, в бане угорела...

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Который теперь час?

АЛЕША. Половина шестого, наверное.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Сколько?

Молчат.

АЛЕША (*рассмеявшись*). Вы, конечно, знаете, что все старухи – страшно подлые! Старуха, например, может заготовить такое письмо, где – «в смерти винить»!.. Я, конечно, отыщу и изорву его, а у старухи, мол, еще есть, у адвоката!.. Только крепись, только не дай слабины, а то в сумасшедшие палаты попадешь! Тогда Лизочка в реке утонит.

Дядя снова, уже в третий раз прочитывает письмо.

Сашенька пытается читать его вверх ногами, но ничего у нее не получается. Пауза.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. О чем ты, Алеша, сейчас говорил? Извини, я отвлекся. Который теперь час?

АЛЕША. Я говорю – Лиза в речке может утонуть.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Какая Лиза? В речке? Отчего? Бог с тобой, я ничего не понимаю. Вот который теперь час, скажи?

АЛЕША. В любой речке! Мало ли теперь речек? Всюду свои есть!

Вошла Нюта. Прислонилась к косяку.

НЮТА. Ужинать будете?

Они молчат.

Или опять чаю? Или поесть захотели?

Никто ей не отвечает.

АЛЕША. Война по гроб – наш договор! Либо я в сумасшедший дом, либо старуха в гроб: жребий!

НЮТА. Кто в гроб?

АЛЕША. Старуха.

НЮТА. О ком это ты?

АЛЕША. Об старушке об одной знакомой.

Сашенька, взяв из безвольных рук дяди письмо, прочитывает его. Алеша следит за ее губами.

Они все как дети, когда читают, губами шевелят.

НЮТА. А как ее зовут?

АЛЕША. Кого?

НЮТА. Старушку.

АЛЕША. Никак.

НЮТА. А я ее знаю?

Сашенька передернула плечиками.

САШЕНЬКА. Лошади. Керосиновая лампа. Три мандариновые дольки.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*тихо*). Перчатки.

САШЕНЬКА. Да, еще перчатки. Еще стаканчик с серной кислотой.

Дядя закрыл глаза. Видно, что он сейчас не здесь, а где-то очень далеко.

Сашенька села возле его ног на скамеечку.

И Нюта присела, руки сложила на коленках, поправила фартук.

Т и х о.

Так бывает, если самовар на столе перестает шуметь, то становится слышен тогда ход настенных часов.

САШЕНЬКА (*дяде*). Ты где?

Он молчит.

Высоко или низко?

АЛЕША. На воде или на земле?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. На земле.

АЛЕША. В лесу или в поле?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. В лесу.

АЛЕША. У воды или у горы?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. У воды.

АЛЕША. День или ночь?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ночь. А который теперь час?

Пауза.

АЛЕША. Без четверти шесть. А что в письме? Я прочту? Можно?

Алеша поспешно берет письмо, читает.

НЮТА. А я вот где, угадайте? Ни в городе, ни в лесу. Ни день, ни ночь. Церковь видна и птички поют... Фу ты, сама все сказала...

Алеша читает письмо.

АЛЕША. «Участь моя решена! Я не могу больше находиться рядом с этим человеком, не могу быть больше во власти его! Выпал мой жребий!.. Еще вчера днем я специально дала Котику съесть три мандариновые дольки. К ночи у нее проявились красные пятна на щеках и на ручках. А значит, мамаша моя и сестрица уж с утра будут здесь! Вечером, в шесть часов я буду ждать тебя у магазина колониальных товаров. Там в витрине по вечерам зажигают керосиновые лампы, что не мерзли стекла. Я увижу тебя через стекло и выйду к тебе. Там в витрине поставлены стаканчики с серной кислотой, чтоб не мерзли стекла...»

Поднял глаза.

Зачеркнуто...

Читает дальше.

«Не его упреки, не хмурое его молчание тяжелы для меня. Нет, не это... А вот как обрезаны ногти у него на руках – вот что невозможно, от чего хочется кричать и можно, кажется, ударить!.. Когда силы покидают меня, и мне негде взять душевного подкрепления, я тайком пробираюсь к вешалке, где на столике брошены по обыкновению его перчатки. Стоит прижать эти его перчатки к лицу и вдохнуть его запах... У меня темнеет в глазах, я становлюсь диким животным, а вокруг меня бамбуковый лес, и мне нужно лишь одного, - крови, крови!.. Уедем, уедем отсюда! Ничего с собою не бери, лишь паспорт и деньги! Все у нас с тобой будет, поверь мне, будет с избытком, потому что быть с тобой – это счастье! Я жду тебя ровно в шесть. Возьми лошадей.»

Молчание.

*Нюта сокрушенно качает головой.
Алеша не смог усидеть на месте, вскочил и пробежался туда-сюда по комнате. Но тихо, на цыпочках, не нарушая наступившей тишины. Упал в кресло. Попрыгал в нем.*

АЛЕША. Ну-с!.. Что ты нынче пишешь? А?

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*не открывая глаз*). Да так.

АЛЕША. Все для «Русского Инвалида»?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ага.

АЛЕША. Дрянь-газетенка.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Путевые записки. Дорожный дневник, знаешь. Печатают.

АЛЕША. Дрянь, дрянь, пустяки! Без всякого направления газетенка. Там одни замшелые сидят.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*он все еще не открыл глаз*). Да я только так. Обычно – по вопросам. «К вопросу о...», «Еще раз о...». Вот путевые записки теперь, мелочь. Печатают.

САШЕНЬКА. А ты бы рассказ написал! Из жизни. Или повесть. Повесть – хорошо, роман – долго, а повесть – хорошо! Или, знаешь, - нувеллу!

Хлопает в ладоши и звонко хохочет.

Да, да, нувеллу с сюжетом! Я так люблю, когда – нувеллы! Когда с сюжетом!..

Дядя открыл глаза.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. А который теперь...

Не договорил «час». Не успел.

В башенке часов ожила жестяная картинка: Ева протянула Адаму яблоко, и прочее... Ничего нового в том, как судорожно дергаются кусочки поржавевшей жести, нет. Никто и не глядел на них.

Ч а с ы б ь ю т ш е с т ь р а з.

Все, как дурачки, шепотом сосчитали все шесть ударов. Зная, что их будет именно шесть, не пять, не семь...

Молчание.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*в отчаянье*). Зачем вы врете?! Зачем?.. Дурацкая детская страсть вранья! (*Хватается за голову*.) Зачем, зачем?!

АЛЕША (*вскакивая*). Что мы врем? Что?!

САШЕНЬКА. Мы? Врем?!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Это болезнь: врать и врать и врать! Здесь лечение нужно применить! Когда крадут и крадут, - это kleптомания. А когда врут и врут, - это, это... - я не знаю что!

АЛЕША. Скажи, скажи, что было соврано, скажи!

САШЕНЬКА. Нечего сказать! Нечего? Нечего?!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. «Пил ли ты, Алеша, молоко?» – «Нет, не пив!».
Вместо буквы «лэ» - буква «ве»! «Не пивв!..» А у кого тогда морда в молоке? У кого верхняя губа с белой каемочкой?!.. «Ела ли ты, Сашенька, пастилу?» – «Не

ева!» Опять проклятая буква «ве»! А у кого тогда пальцы слиплись, щеки липкие, - противно даже взять такого ребенка на руки?!

АЛЕША (*у него дрожит голос*). А если я сейчас спрошу в ответ? А?.. Кто называл детей – обжорами?!

САШЕНЬКА (*кричит*). Меня называл! Мясницкой улицей!..

НЮТА. Детей не надо оговаривать, когда они хорошо кушают. Если ребенку сказать – «толстый, румяный», - его можно сглазить. Нехорошо это.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*взвизгившись*). Да черта мне с ними, - пускай кушают! Им никто против этого слова ни разу не сказал, чего бы они себе не жрали! Врать-то, врать-то зачем?!

Алеша вскочил.

АЛЕША. Так!.. Минуточку! Мину-точку! Я прошу тебя сейчас же сказать, как честного человека, - что было соврано?

Пауза. Дядя вдруг как-то обмяк. С недоумением посмотрел вокруг.

(*Звенящим голосом.*) Ну-с!.. Я жду. Повторяю свой вопрос. Так-с! Что – было – соврано?!

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*бормочет*). Господи Боже мой... зачем все это, зачем? Про Лизочку зачем? Что не хочет она за тебя замуж, что все сорвалось, что деньги, мол... Что невесте сорок шесть... Старухи какие-то, с любовью за деньги, но без свечек... зачем? Что Лиза в реке утопилась?! (*Рассмеялся.*) Нет, ты скажи мне, глядя мне в лицо, скажи – я глуп, чтоб Лизочка в реке утопилась? Я же не так глуп, чтоб – в речке! Зачем, зачем вы врете?..

Молчание.

НЮТА. Попрекать детей едою – самое последнее дело.

Молчание.

АЛЕША (*искренне*). Вру. Я вру. Не знаю зачем. Зачем – не знаю.

И закрыл лицо руками. Сел. Сашенька смеется.

НЮТА. Теперь бы самое время покушать. Может, даже и поужинать? Четверть седьмого...

Ей не отвечают.

Алеша так и сидит – закрыв лицо руками, чуть покачиваясь.

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*Алеше*). Милый мой, хороший... Лизочка тебя любит, хочет замуж. А ты все тянешь. Вот проиграешь свои сто рублей в карты, выпьешь с Дулевичем свои пятнадцать бутылок шампанского... Нагуляешься, и – под венец!.. Пойдут дети: ветрянки, краснухи, крапивницы, потницы, почесухи и пузырьчатки, - Боже милостивый!.. У жены – грудница, картавость, имение в Смоленской губернии, где мужики без спросу рубят лес... У тестя –

виолончель. Вечером простоквашу с черным хлебом, на ночь – Майн Рида... Белые туфли с дырочками, мягкая шляпа на затылке, велосипед и удочки. Мальчика лечить от заикания, девочкам покупать ноты, самому выучиться на мандолине, жене – цветочные луковицы, себе – средство для рашения волос... И ради Бога! – никаких нувелл с сюжетом!.. Ничего этого не нужно!

АЛЕША. Прости. Мне все это как-то весело показалось: взять да наврать.

САШЕНЬКА. Весело же было, весело! – про старух с четвертого этажа в пролет! И про свечки весело.

АЛЕША. Я подумал, нужна какая-нибудь историйка, чтоб дядю развеселить. Вот и...

ИВАН ПАВЛОВИЧ (с силой). Я ненавижу историйки! Я ненавижу повести с сюжетом! Нувеллы, романы...

Молчат.

НЮТА. Видно, пора самовар ставить.

Молчат.

САШЕНЬКА. Ой, а я люблю! «Бедная Лиза»!.. «Наездник без головы»! «Грани жизни», «Тернистый путь», «Ценою чести» Сеславина, «Шепоты жизни» Брешко-Брешковского!.. В «Робинзон Крузо»! Сколько он, бедный, пережил, не зная, что все так хорошо кончится а конце!

Иван Павлович вдруг всхлипнул.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Бедный, бедный Робинзон!..

Пауза.

АЛЕША. Да ты не на шутку, дядя, расклеился. Совсем занемог. Приляг.

Дядя укладывается на диване.

(Помогая ему лечь.) Я, знаешь, люблю, когда – сюжетец! Ей-Богу, иногда – ничего.

Дядя достает из кармана большой клетчатый платок и громко, обиженно сморкается.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Ненавижу, ненавижу все это... «В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, в один из самых жарких дней тыща восемьсот пятьдесят... черт-те какого года лежали на траве два молодых человека. Один на вид...» Глупость какая! Глупая глупость, мне нечего больше добавить.

Сморкается. Вздыхает.

«- Что, Петр, не видать еще? – спрашивал 20-го мая тыща восемьсот дурацкого года, выходя без шапки на низкое крылечко постоянного двора, барин лет сорока с небольшим в запыленном пальто... и без клетчатых панталон...»

САШЕНЬКА (*серьезно*). Что же это он – без панталон? Так и написано? Ты, видно, напутал.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Какая разница?

САШЕНЬКА. Если ты, дядя, не понимаешь...

ИВАН ПАВЛОВИЧ (*прерывая ее*). Не понимаю! Да-с!.. Не понимаю!.. Для пущей важности еще и год указывают – когда произошло! Да никогда, никогда этого не было вовсе! Зачем, зачем вы врете, зачем год указываете, день, зима или лето, час, да еще на таком-то, мол, месте все у них и стряслось!.. «Глядя на нее, он подумал, что...» Черта ли ты знаешь, что он там, собственно, подумал, глядя на нее?! Тебе об этом никогда, дураку, бродяге, не догадаться!.. «Он ее любил!» Сюжет! Она съела кусок мяса, он ее убил!.. Перемена от несчастья к счастью! Черта-с-два!..

НЮТА. Ты уже три раза черта сказал. Дело к ночи, зачем?

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Прости, няня, прости, милая, я не буду. Я больше не буду!.. Дураки, я не расклеился, я как раз наоборот – сейчас же и выздоровел! В другой раз я в сюжет не попаду!..

Привстал на диване.

Нельзя позволять впутывать себя в сюжет!..

И погрозил кулаком.

Куда?!.. В поставщики повестей для «Домашнего чтения»? В мещанскую трагедию и семейный роман? В куролеску?!.. Чтоб сделаться героем романа в новом вкусе?!.. Из тихой, хорошей такой жизни, Боже мой!.. Где есть машинка для папирос, а на заварочном чайнике – теплый колпак, на ключах – брелоки, где «Итальянский полдень» в гостиной, а под кроватью Конан Дойл и все его «би-воз-веа», все «шелл и вилл»... Где так все хорошо, где такая хорошая, теплая, нелепая жизнь, и вдруг – бай! – в роман?!.. Где какой-то мерзавец всем случайностям жизни придаст значение и найдет всеобщую их связь? найдет причины, следствия, начало, середину и конец, - ужас какой!.. А самое смешное, - там будет стиль! О-о, стиль!..

Хохочет.

А ничего этого нет! Ни связи, ни начала, ни конца – нет! И уж, извините, жизнь совершенно бесстыльна! Она – как придется, и тем хороша! И слава Богу, как хочу, так и живу, в истории и историйки – калачом не заманишь! Путевые заметки – это можно, это свободно. Еще хороши всяческие описания, и когда про охоту, - тоже хорошо. Но чтоб там не было ни одного абзаца со слова «вдруг»! Если только так: «Вдруг испортилась погода, но вдруг она наладилась». «Вдруг наступила зима, а потом вдруг – лето...» Ведь хорошо же, правда?

Пауза.

АЛЕША. Мне вдруг поесть захотелось. А тебе?

САШЕНЬКА. Хорошо бы на белый хлеб с маслом уложить целый следок мармеладу, может быть, даже и два следка!

АЛЕША. А лучше репку лука растеребить, обмакнуть в соль, и с черным хлебом!

Нюта молча встала и вышла.

САШЕНЬКА (*кричит ей вслед*). Если есть грецкие орехи, то я могу их наколотить! А ты сверху медом полей!

Молчат.

АЛЕША (*вздыхнув*). А все-таки, дядя, хочется иногда какого-нибудь сюжетца. С хорошим концом!

ИВАН ПАВЛОВИЧ. Концов вообще нет!.. Ни хороших, ни плохих! Все тянется и тянется, все ничем не кончается. Глупые, вы думаете, если он под поезд упал на последней странице, так это плохой конец?.. Это хороший, хороший! А вот если: жил и жил, и все было по-прежнему, - вот это плохо!.. Глупые вы какие! Зачем, зачем? Вот смотрите, как хорошо...

*Слез с дивана. Встал в задумчивости посреди комнаты.
Сашенька тут же залезла с ногами на диван, одну подушечку под спину, другую на колени, и обняла ее.*

С чего бы начать? Впрочем, это совершенно не важно. Дураки говорят, что начало это то, что само не следует по необходимости за другим...

Смеется. Загибает пальцы в счете.

Одиннадцать слов!.. А смысла в них – вот! (*Показывает кукиш.*) Начать можно с чего угодно, и весь тут Аристотель! Начнем хоть с печки! У ней на темной дверце отлит изогнутый цветок лилии... Кто говорит – лилия, а кто говорит – нет. А нам – наплевать!.. Вьюшки ее как пуговички на мундире начищенные. Мать говорила, что это – надворный советник, я говорил, что – исправник, а истопник – что – мучение!.. По кафелю можно написать чернилами плохое слово. И если шепотом прочитать его потом, - по животу пройдет холодок. А потом можно и представить себе предмет, который это словцо означает. Если предмет мужской...

АЛЕША. То на конце его пиши «ер»!

Смеются.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. А если предмет женский...

АЛЕША. То без «ера».

Смеются.

ИВАН ПАВЛОВИЧ. ...то скорей послуנית палец и стереть написанное, как будто его здесь и не было никогда!..

Прошелся по комнате.

Вот буфет!.. В нем можно спрятаться, в нижней его колоде. Там был подслушан разговор отца с Нютой. А потом – отца с матерью. А после – матери с Нютой. Дело кончилось слезами... В отделении для салфеток есть тайник, про который знали все. А в отделении для вилок тайник, про который знали не все, некоторые знали... Там – медальон матери, где прядь волос неизвестного, и спрашивать про это нельзя! Орешек в золотой бумаге... Игральная карта: пиковая десятка, означает черную вещь, болезнь, а при короле или даме – брачную постель!.. И про нее спрашивать тоже нельзя, никто и не спрашивал... На письменном столе глобус с вмятиной на Африке и на Аляске. Он дважды падал, один раз Африкой, другой раз – Аляской. От чего сделалась выпуклость на Туркестане... Зеленое сукно залито по левую руку чернилами, пятно вышло с зайца с двумя ушами. Его лучше прикрыть локтем, когда пишешь. Потому что, когда видишь этого зайца, думается совсем не о том. Об другом...

Часы бьют семь. Молчание.

(Бормочет.) Так можно описывать без конца. Конец вообще не важен. Говорят, после него нет ничего. Но это неправда.

Помолчал.

Можно дать занавес, где захочешь. Дернул за веревочку, он и упал! А что уж там за ним дальше было, - это их личное дело, тут наш интерес обрывается!.. Может, кто-то уже проехал черный, копченый туннель в Альпах, где смешно закладывает уши. И на крохотной станции, где подвешены к потолку цветочные горшки, уже купил себе кружку козьего молока и букетик фиалок... А теперь тянет пахитоску, обиженно делая губы буквой «о»... Но это уже другая история, и она нас – избави Боже! – не касается!..

Входит Нюта.

НЮТА. Значит, так... Холодные котлеты. Яблоки. Еще есть телятина, но она несвежая, потому что на улице жара, мухи, а ваш разлюбленный Степан, хоть я ему и говорила, - ...

Падает занавес.